

М. Е. Бойко

Типология антиутопических обществ и художественная футурология

Аннотация: стало общим местом подчеркивать, что утопии возникают из реального опыта жизни, ибо только реальность может служить опорой для воображения. Зато упускается из виду, что факты часто вовсе не открывают нам исторической реальности, поскольку, как правило, сначала подгоняются под идеологические клише и только потом анализируются. Как результат, художественный вымысел нередко оказывается достовернее самых скрупулезных научных реконструкций. Легко заметить, что оруэлловская формула может быть легко перевернута: «Кто контролирует будущее — контролирует прошлое, кто контролирует настоящее — контролирует будущее». Образ будущего имеет для нас гораздо большее значение, чем образ прошлого, поэтому вновь слышны апелляции к будущему как основе легитимности настоящего. В статье анализируются образы будущего, нарисованные в пяти парадигмальных романах-антиутопиях XX в. Предлагается деление антиутопических обществ на два типа: дивергентные и конвергентные. Проект постчеловеческого будущего Мишеля Уэльбека рассматривается как антиномический синтез полярных крайностей.

Review: It has become quite a common thing to underline that Utopias are based on real life experience because only the reality can create basis for our imagination. At the same time, it is often forgotten that facts do not always reveal the historical reality because, as a rule, first they are adjusted to ideological cliché and only then they are analyzed. As a result, artistic fiction sometimes happens to be credible than the most precise scientific research. One can easily notice that Orwell's formula can be easily reversed and sound like «He who controls the future, controls the past. He who controls the present, controls the future». For us the image of future is more important than the image of the past and this is why today there are numerous appeals to the future as the basis for legitimacy of the present. The author of the article analyzes images of the future outlined in the five anti-Utopian novels written in the XX century. The author offers to classify anti-Utopian societies as divergent and convergent. Michel Houellebecq's project of post-human future is viewed as an antinomic synthesis of polarities.

Ключевые слова: культурология, историософия, антиутопия, футурология, конвергентное общество, дивергентное общество, Мишель Уэльбек, Фрэнсис Фукуяма, Джордж Оруэлл, постчеловеческое будущее.

Keywords: cultural research, philosophy of history, anti-utopian, futurology, convergent society, divergent society, Michel Houellebecq, Francis Fukuyama, George Orwell, post-human future.

Опрокинутая идеология. Давно стало нормой в исследовании актуальных проблем обращаться к их предыстории, совершать разнообразные экскурсы в прошлое, часто весьма отдаленное. В нашу жизнь прочно вошла оруэлловская формула «Кто контролирует прошлое — контролирует будущее, кто контролирует настоящее — контролирует прошлое»¹, восходящая к афоризму академика М. Н. Покровского (1868–1932), руководившего после революции на «историческом фронте»: «История — это политика, опрокинутая в прошлое»². Удивительно то, насколько реже вопросы прошлого и настоящего рассматриваются в свете будущего, не говоря уже об отдаленном будущем. Такое положение дел является неестественным в условиях, когда осознание нарастающего кризиса «западнизма», или

«вестернизма» (термины А. А. Зиновьева³), парадоксальным образом сопровождается усиливающимся ощущением его безальтернативности⁴.

На деле располагаемый нами образ прошлого еще более недостоверен, чем образ будущего. Стало общим местом подчеркивать, что даже утопические фантазии возникают из реального опыта жизни, ибо только реальность может служить опорой для воображения. Зато упускается из виду, что факты часто вовсе не открывают нам реальности, поскольку, как правило, сначала подгоняются под идеологические клише и только потом анализируются. Как результат, художественный вымысел нередко оказывается достовернее самых скрупулезных научных реконструкций.

Легко заметить, что оруэлловская формула может быть легко перевернута: «Кто контролирует

¹ Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. М.: КАПИК, 1992. С. 31.

² Доклад «Общественные науки в СССР за 10 лет» (22 марта 1928 г.).

³ Зиновьев А. А. Запад: Феномен западнизма. М.: Эксмо, Алгоритм, 2007. С. 7.

⁴ См., например, Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.

будущее — контролирует прошлое, кто контролирует настоящее — контролирует будущее». Образ будущего имеет для нас гораздо большее значение, чем образ прошлого. Это поняли знаменосцы самого «прогрессивного» миропонимания. Но марксистская фальсификация прошлого кажется детскими играми по сравнению с либеральной фальсификацией будущего. Этими соображениями определяется методология нашего исследования.

Перекося в пользу прошлого. «Хочешь заняться философией — напиши роман», — говорил Альбер Камю. Можно перефразировать: «Хочешь заняться социологией — напиши антиутопию, не можешь написать антиутопию — проанализируй уже написанные». Пора признать художественную футурологию за самостоятельный эвристический метод междисциплинарного исследования.

Печальным фактом недооценки художественной интуиции служат книги Фрэнсиса Фукуямы. Когда в 1992 г. вышла книга «Конец истории и последний человек»⁵, развиваемая в ней концепция была тридцать лет как опровергнута Станиславом Лемом в «Сумме технологий» (1963)⁶. Процесс «Лем против Фукуямы» закончился в 2003 г. капитуляцией американского футуролога в исследовании «Наше постчеловеческое будущее»⁷. Тогда же Фукуяма был вынужден признать, что Фридрих Ницше куда лучший проводник в футурологии, чем «легионы специалистов по биоэтике и поверхностных университетских дарвинистов»⁸.

На протяжении тысячелетий религиозное сознание поддерживалось пророческой футурологией — ветхозаветными пророчествами и Апокалипсисом. Перекося возник только в XVII в. одновременно с первыми нехристианскими антропологиями и историософиями. Самой значительной из них была концепция о «естественном состоянии человечества». По большому счету три крупнейшие идеологии XX в.: либерализм, социализм и консерватизм (включая такую экзотическую модификацию как фашизм) были дальнейшими развитиями идеологии о «естественном состоянии» в трех направлениях, наметившихся, соответственно, у Джона Локка, Жан-Жака Руссо и Томаса Гоббса. Это позволило Иммануэлю Валлерстайну сделать парадоксальный вывод: «с 1789 г. существовала лишь одна истинная идеология — либерализм, которая нашла свои проявления в трех основных облициях»⁹.

⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005.

⁶ Лем С. Сумма технологий. М.: Мир, 1968.

⁷ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004.

⁸ Там же. С. 228.

⁹ Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 90.

Нужно отметить, что всеми тремя предтечами теории естественного состояния рассматривалась как попытка изучить состояние несуществующее, возможно, никогда не существовавшее, но о котором, тем не менее, необходимо иметь правильное представление для того, чтобы разобраться в настоящем. В качестве упрощающей модели все трое принимали, что желаемый порядок существовал некогда в полумифическом или достаточно отдаленном историческом прошлом.

Естественное состояние людей у Локка — это «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли»¹⁰.

Фашизм с самого своего возникновения соединял в себе безоглядное устремление вперед с призывами к «великому возвращению назад». Это было осознанно-романтическое бегство в предполагаемое в прошлом состояние. Таким бегством было уже дионисийское движение в Греции, затем — эллинистическая догматика, смотревшая на классическую греческую культуру так же, как смотрел на Средневековье немецкий романтизм. Создатель Третьего рейха считал, что «только наидревнейшие воспоминания из доисторических времен человечества смогут помочь нам в новую эпоху»¹¹ и путь к спасению лежит через восстановление естественных доисторических пропорций.

Аналогичную роль играла, хотя и не имела такого значения, для Карла Маркса и социальных утопистов XIX в. апелляция к первой общественно-экономической формации — первобытному коммунизму.

Во всех трех случаях историческая мифология служила доказательством принципиальной возможности общества «нового» типа. Реконструированное таким образом прошлое представляло собой опрокинутую в прошлое футурологию. Подобно тому, как Тацит рисовал германцев такими, какими хотел бы видеть римлян, историки и идеологи XVII–XX вв. рисовали прошлое таким, каким они хотели бы видеть будущее и настоящее.

Критерий демаркации. Обратимся теперь к крупнейшим художественным футурологиям XX в., чтобы, не переступая меры необходимой подробности, проследить ряд аспектов, связанных с экстраполяцией естественнонаучных принципов на гуманитарную сферу. При этом мы будем рассматривать только парадигмальные социальные антиутопии.

¹⁰ Локк Дж. Два трактата о правлении (1690) // Локк Дж. Сочинения в 3-х тт. М.: Мысль, 1985–1988. Т. 3. С. 263.

¹¹ Раушинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: Миф, 1993. С. 176.

Мы оставим за скобками экзистенциальные образцы жанра, вроде романов Франца Кафки, «Города за рекой» (1947) Германа Казака, «Заводного апельсина» (1962) Энтони Бёрджесса. Исключаем всевозможные экоутопии, техноутопии, биоутопии, а также социальные антиутопии смешанного типа, как, например, «451 градус по Фаренгейту» (1951) Рэя Брэдбери, «Гелиополис» (1949) Эрнста Юнгера, «Рай земной» (1903) К. С. Мережковского и т. д.

Художественных футурологий-парадигм в конце XIX – начале XX вв., по нашему мнению, появилось всего пять: «Машина времени» Герберта Уэллса (1895), «Мы» Е. И. Замятина (1920), «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли (1932), «1984» Джорджа Оруэлла (1949), «Элементарные частицы» Мишеля Уэльбека (1998).

Практически сразу было отмечено сходство, с одной стороны, миров Уэллса и Хаксли, а, с другой стороны, Замятина и Оруэлла. Все говорит о том, что мы имеем дело с двумя полюсами футурологических стратегий в семантике художественных реконструкций будущего. Футурология Уэльбека стоит особняком как попытка антиномического синтеза двух направлений.

Эти два архетипических образа будущего мы будем называть, соответственно, дивергентным и конвергентным обществами, или, чтобы не изобретать новые слова для обозначения давно известных вещей, обществами правого и левого типа. Это соответствует традиционному рассмотрению миров Уэллса-Хаксли в качестве пародий на общества капиталистического (индивидуалистического, западного) типа, а миров Замятина-Оруэлла в качестве пародий на общества социалистического (коллективистского, восточного) типа. Можно даже утверждать, что в данном случае мы имеем дело с единственным внятными критерием «правое — левое».

В основании дивергентного общества лежит принцип социального расслоения, гетерогенности, иначе говоря, «философия неравенства», обоснованная тем или иным образом. Например, в романе Уэллса человечество распалось на два общественных класса: безобразных морлоков-производителей и инфантильных элоев-потребителей, социальный зазор между которыми возрос до такой степени, что позволяет говорить об отдельных постчеловеческих видах. Сейчас, конечно, слабо верится в формы классового антагонизма, привидевшиеся Уэллсу, но набросанный им образ будущего демонстрирует свою непреходящую актуальность. Кажется, никто из критиков не заметил, что кинотрилогия братьев Вачовски «Матрица» воспроизводит уэллсовский абрис с учетом горизонтов современных технологий. Только в роли морлоков выступают машины и программы, высший тип выращивается не в стеклянных дворцах, а на

высокотехнологичных гидропонных плантациях, а сознание искусственно выращенных людей циркулирует в виртуальном пространстве Матрицы.

Напротив, конвергентная модель рисует общество, достигшее той или иной степени социальной однородности, гомогенности. Замятин прямо говорит о «проинтегрированной жизни» — тщательно пронумерованной и зарегламентированной. В Едином государстве по улицам маршируют сотни, тысячи «номеров» с бляхами на груди и в совершенно одинаковых «унифах» (от «унификация»).

Различие между двумя типами общества носит фундаментальный характер. Изображение дивергентного («правого») общества правые считают утопией, левые — антиутопией, и наоборот. Любому человеку, у которого не вызывает возмущения мысль о биологическом неравенстве людей, с воодушевлением воспримет как идеальный мир Хаксли и даже Уэллса (ну, может быть, за исключением каннибальской фантазии о поедании морлоками элоев). Наоборот, человек с идиосинক্রазией на все формы биологического неравенства посчитает общество Хаксли антиутопией, но согласится, что Океания Оруэлла или Единое государство Замятина имеют гораздо более справедливое устройство, чем зашедшее в тупик современное классовое общество.

Дивергентное общество. Любопытно, что идея регрессивного дивергентного развития была усвоена Уэллсом под влиянием дяди Олдоса Хаксли – Томаса Генри Гексли, президента Лондонского королевского общества, защитника и соратника Чарльза Дарвина. Более сведущий в биологии, чем Уэллс, Олдос Хаксли, конечно, понимал, что разделение человечества на два вида не более вероятно, чем другой эволюционный поворот, описанный в «Машине времени»: охота амфибий на млекопитающих. В мире Хаксли вместо двух суперрас существует 24 специализированные минирасы (по числу букв греческого алфавита). Несравненная биологическая интуиция Хаксли позволила ему сделать еще целый ряд блестящих предсказаний:

- все более совершенствующиеся методы контроля рано или поздно приведут к тому, что рождаемость потеряет связь с сексуальностью;
- неограниченная сексуальная свобода приведет к небывалому расцвету полиморфных желаний;
- род человеческий будет воспроизводиться в лаборатории с помощью генетического программирования;
- как следствие, исчезнут родственные связи, понятия отцовства и материнства;
- прогресс фармакологии устранил различия между возрастами, и в шестьдесят лет человек будет так же активен, иметь ту же наружность, те же самые желания, что и двадцатилетний;

- человек, более не способный противостоять старости, сможет выбрать добровольное исчезновение посредством эвтаназии;
- уныние, сомнения и печаль будут исцеляться медикаментозным путем с помощью антидепрессантов и анксиолитиков по принципу «Сому ам – и нету драм!».

Кастовое общество не является, конечно, хакслианским изобретением, а насчитывает, вероятно, столько же лет, сколько человеческий вид. Новым сегодня является прогресс нейрофармакологии, вплотную приблизившейся к промышленному синтезу «сомы». За последние несколько лет были созданы не только прозак для лечения депрессий и риталин для лечения расстройства внимания, но и серия препаратов пригодных для осуществления общественного контроля.

Кажется, что современные институты «западнизма» преуспели, поскольку были основаны на допущениях о человеческой природе куда более реалистичных, чем любые альтернативные. «Правые» констатируют, что неравенство присутствует повсюду. Предприимчивый человек более успешен в современном обществе, чем человек созерцательного склада (вполне конкурентоспособный в обществах другого типа). Красивый человек во все времена имел больше шансов найти себе подходящего брачного партнера, в то время как «сексуальная свобода» для невзрачного человека означает всего лишь «расширенную систему соблазна» — излюбленная идея Уэльбека, начиная с первого романа «Расширение пространства борьбы» (1994)¹². Никто ведь не будет спорить, что более талантливый, трудоспособный и т. д. по справедливости должен получать более значительное вознаграждение?

С другой стороны, поскольку человеческие способности в значительной степени являются унаследованными, а не являются личными заслугами, генетическая лотерея изначально несправедлива. Она немотивированно обрекает кого-то на более низкий интеллект, некрасивость или врожденные дефекты того или иного рода. Желание де-юре упразднить неравенство, неизбежно существующее де-факто, порождает стремление к конвергенции, уравниванию, социальной унификации или компенсации.

На критику слева «правые» возражают, что генетическое неравенство на глубинном уровне эгалитарно. Напротив, замена лотереи сознательным выбором наследственности открывает новое поприще для соревнования людей, такое, которое грозит увеличить разрыв между верхом и низом социальной иерархии, т. е. очередным «расширением пространства борьбы». Биотехнология способна

вызвать возникновение новых генетических классов, а значит, сделать возможной реактивацию устаревших дивергентных моделей, отягощенных в современном европейском мышлении зловещими коннотациями. Общественная альтернатива такого рода получила наименование «биофашизм».

Левые интеллектуалы парируют, что люди современного западного общества не станут смотреть, сложа руки, как элиты будут генетически передавать свои преимущества детям. Вполне вероятно и противоположная возможность: биотехнологии дадут толчок к генетически более эгалитарному обществу. Именно интуиции такого рода суждено было стать отправной точкой для художественной футурологии Мишеля Уэльбека.

Некролог человечеству. Н. А. Бердяев в статье «Демократия, социализм и теократия» предсказал, что XX в. откроет новое столетие мечтаний интеллигенции о том, как избежать утопий и вернуться к неутопическому, менее «совершенному» и более свободному обществу. И действительно самые различные по своему устройству общества стали апеллировать к будущему как основе легитимности настоящего. Рузвельтовский «Новый курс» и сталинские пятилетки строились, по большому счету, на планировании экономического роста и политического развития в будущем. Причем, как отмечает Кристофер Коукер, «акцент делался не на точных науках с их логическими и математическими посылками, а на гуманитарных науках, чьи индуктивные и дедуктивные методы исследования носят менее формализованный характер. Им отдавалось предпочтение в социальном планировании именно потому, что они имеют дело с культурными, социальными и историческими законами эволюции»¹³. Играло свою роль и то, что и марксизм, и кейнсианство были, в конечном счете, не науками, а наукообразными, формализованными футурологиями.

Сегодня, с временной дистанции, очевидно, что из художественных футурологий XX в. самой прогностически верной оказался «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли. Существование тоталитарных режимов, «холодная война» и биполярный мир долго мешали признанию этого факта. Наконец, когда тоталитарная угроза, так живо описанная Оруэллом, в значительной мере развеялась, осталось проверить политическое предвидение другой великой антиутопии — романа «О дивный новый мир».

В конце XX в. в романе «Элементарные частицы» Мишель Уэльбек произвел ревизию антиутопии Хаксли. Критика немедленно восприняла роман Уэльбека как «очередные похороны европей-

¹² Уэльбек М. Расширение пространства борьбы. М.: Иностранка, 2003.

¹³ Коукер К. Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 94–95.

ской цивилизации», предопределив ошеломительный, до сих пор не объясненный успех, вознесший французского писателя на вершину популярности.

«Элементарные частицы» написаны как некролог человечеству от лица одного из представителей постчеловеческого вида. В центре романа — история двух сводных братьев, бедняги Брюно и генетика Мишеля Держински. Брюно представляет собой типичный пример «последнего человека», человека общества потребления. Держински — человек XIX в., паладин бескорыстного познания. Архаичная жажда познания подводит его к открытиям, делающим возможной генетическую революцию и создание нового разумного вида.

Несмотря на то, что «Элементарные частицы» — крупнейшая попытка в конце XX в. реанимировать левый социальный утопизм, по духу Уэльбек — последовательный хакслианец. Хаксли посвящено много теплых страниц в романе. Уэльбека всегда поражала точность сделанных англичанином предсказаний: генетический контроль, половая свобода, борьба со старостью, цивилизация развлечений. Он также считает общество «дивного нового мира» счастливым по всем пунктам, т. е. точь-в-точь таким, в котором хотела бы сегодня жить подавляющая часть человечества, и находит чистейшим лицемерием попытки выдать эту книгу за разоблачение, пародию или тоталитарный кошмар. «Есть только один фактор, — говорит Уэльбек устами Брюно, — несколько противоречащий нашей системе ценностей, — это разделение общества на касты, по своей генетической природе предназначенные для разных работ. Однако это, безусловно, единственный пункт, в котором Хаксли оказался плохим пророком; это равным образом единственный пункт, который становится почти бесполезным по мере развития механизации и роботизации»¹⁴.

Уэльбек рисует общество, в котором не только отсутствуют классы или расы, но даже возможность их возникновения. Это общество, в котором не возможна ни одна из форм дискриминации меньшинства, как расизм, сексизм, гомофобия и эйджизм, потому что исключена возможность образования меньшинств.

Радикальная программа достижения униморфности сводится к созданию постчеловеческого общества, состоящего из бессмертных бесполох генетически идентичных разумных существ. Уэльбек предлагает упразднение сексуальных различий как основополагающего признака человеческой идентичности, условия размножения и сексизма, что, по его мнению, отнюдь не означает прощания с сексуальными наслаждениями. Напротив, от-

крывается беспрецедентная возможность генетического увеличения способности к наслаждению, обогащения жизни новыми, неслыханными прежде эротическими переживаниями.

Известно, какие теплые чувства связывают на протяжении всей жизни близнецов и насколько разные они развивают характеры, несмотря на свой абсолютно идентичный генотип. Очевидно, что если бы люди не относились к своим генетическим родственникам лучше, чем к посторонним людям, не было бы каст, nepoтизма, наследования состояний, финансовых и политических династий. Отсюда следует, что только если все индивиды станут носителями одинакового генетического кода и человечество превратится в общество однойцевых близнецов, удастся преодолеть индивидуальность, пол, разобщенность. Одинаковый генетический код не помешает каждому из них развиваться в зависимости от индивидуальных жизненных обстоятельств собственную личность, но поможет сохранить узы таинственного братства, существующего между близнецами, со всем социумом. Чтобы символически привлечь внимание к опасности, какую в недрах любого социума представляет возникновение меньшинств или субпопуляций, Уэльбек предлагает поддерживать количество индивидов равным простому числу (делящемуся только на единицу и само себя).

Началу планетарного переворота будет предшествовать метафизическая революция, которая убедительным образом возродит смысл понятий коллективизма, постоянства и святости, приведет к пониманию, что «перемена совершится не в умах, а в генах»¹⁵. Уэльбек считает, что значительную роль в этой революции сыграет широкий спектр синкретических оккультных учений, заявивших о себе в середине XX в. под названием New Age. Переоценка этого движения представляет, может быть, самое слабое место в утопическом проекте Уэльбека. Однако трудно отрицать, что именно New Age воплощает собой реальную жажду разрыва с XX в., с его имморализмом, индивидуализмом, анархистскими и антисоциальными пристрастиями, и, потому, является естественным союзником в деле преобразования человечества.

В итоге, согласно Уэльбеку, человечеству суждено стать первым в пределах известной нам Вселенной родом животных, самостоятельно подготовившим условия для собственного вытеснения. Людям предстоит кротко, с покорностью, может статься, с тайным облегчением, принять неизбежность своего исчезновения. Единственная сила, способная, как кажется, противостоять подобному исходу — ислам. Но в действительности он не представляет

¹⁴ Уэльбек М. Элементарные частицы. М.: Иностранка, 2005. С. 262.

¹⁵ Там же. С. 522.

серьезной угрозы: «ислам — похоже, самая глупая, самая лживая и обскурантистская из всех религий — в настоящее время, по-видимому, перешел в наступление; но все это не более чем поверхностные и преходящие явления; в долгосрочной перспективе ислам обречен, его крах еще более неотвратим, чем крах христианства»¹⁶.

Олигархия духа. Фрейдизм, марксизм, культурная антропология и т. д. — все эти учения выдвигали на первый план неограниченную пластичность и программируемость биологического вида *homo sapiens*. В современной антропологии часто допускается, что сознание, как программное обеспечение (software), может быть разным, а «железо» (hardware) одно и то же. По иронии судьбы отрицание рас впервые было провозглашено братом Олдоса Хаксли — евгеником Джулианом Хаксли в 1935 г. Причина была чисто политическая — Нюрнбергские законы в гитлеровской Германии¹⁷. В то же время существование между людьми биологического неравенства не может игнорироваться, даже если вымарать понятие «раса» из словарей и свести все визуальные различия к обманам зрения. Можно предположить, что та или иная степень ксенофобии относится к числу антропологических констант.

«Многое в критике клонирования исходит из ошибочного представления, будто существует намерение создать расу идентичных существ, полностью лишенных какой бы то ни было индивидуальности», — пишет современный евгеник Джон Глэд¹⁸. Как мы видим, представление это не столь уж ошибочно, если не сбрасывать со счетов популярнейшего французского писателя. В одной из глав о человечестве идентичность «железа», или, вернее, биологического материала (wetware) — будет генетически сертифицирована.

История интеллектуальной мысли полна примеров идеализма, принимавшего порой самые злокачественные формы. Христианство вечно обречено нести свой крест за инквизицию, социализм — за ГУЛАГ, нацизм — за Аушвиц, либерализм — за Хиросиму. Призрак биофашизма стал кошмаром западного общества. Средства массовой информации активно подогревают боязнь клонирования, как демонстрирует появившийся в 2002 году фильм «Звездные войны, часть II: Атака клонов» Джорджа Лукаса, а также «Остров» Майкла Бэя (2005) и «Эон Флак» Карины Кусамы (2005).

Неслучайно биофашизм прочно ассоциируется в общественном сознании с именем Ницше. Этого

мыслителя Фукуяма назвал более опасным для западной цивилизации, чем Маркс. Несмотря на то, что «мысли Ницше никогда не были воплощены в движения масс или политические партии, как мысли Маркса», они сохраняют свое значение даже после того, «как последний марксистский режим исчезнет с лица земли»¹⁹.

Уже в своей первой книге Фукуяма указал слабые места в доказательстве универсальной эволюции в сторону капиталистической либеральной демократии: «Критика может быть как слева, так и справа. Атаки слева утверждают, что обещание универсального взаимного признания остается, по сути, в либеральных обществах не выполненным... Экономическое неравенство, порождаемое капитализмом, ipso facto вызывает к жизни неравенство признания. Критики справа указывают, что проблема либерального общества заключается не в недостаточной универсальности признания, но в самой цели равного признания. Последнее проблематично, поскольку люди изначально неравны; относиться к ним как к равным — значит не утверждать, а отрицать их человеческую сущность. <...> Из этих двух категорий критики либерального общества слева в прошлом столетии встречались куда чаще. Проблемы неравенства будут еще многие годы занимать либеральные общества, потому что они в определенном смысле в контексте либерализма неразрешимы. Но даже при этом они кажутся куда менее фундаментальными «противоречиями», чем несоответствия, указываемые справа, то есть сомнения в желательности равного признания как конечной цели»²⁰.

Из всех человеческих способностей западная цивилизация абсолютизировала одно единственное — ощущение наслаждения от безопасности, потребления и комфорта. В этом смысле ницшевская «олигархия духа», его ставка на развитие культуры, а не на распределение наслаждений, остается вызовом безальтернативности статус-кво.

Фантазии на страже жизни. Возникает вопрос: есть ли толк в подобной теоретической новаторственности? Не будем забывать, что на протяжении всего XX в. художественный опыт часто предвещал научные открытия и политические катаклизмы. Сегодня все сложнее отрицать визионерский образ будущего как сознательный аспект социального развития, необходимость образа цели для управляемого социального «телезиса». Остро ощущается нехватка как раз широты обобщений, способности доводить социальную логику до наиболее отдаленных следствий. Нужно лишь

¹⁶ Там же. С. 262.

¹⁷ Глэд Дж. Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века. М.: Захаров, 2005. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 49.

¹⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. С. 451.

²⁰ Там же. С. 434–435.

относиться к предсказаниям критично. Как писал Джон Барт, «поэт гадает, каков курс истории: прогресс, драма, ретроспектива, цикл, волнообразное движение, вихревое движение, право– или левосторонняя спираль, однообразная среда или что-то еще. Какие-то свидетельства появляются, но неясные и неокончательные»²¹.

Только чреватая катастрофами переоценка экономического фактора мешает признать, что решающими в истории являются не материальные, а психические факторы. Но дело не в том, каким будет «последний человек», а в том будет ли он человеком.

Западнизм давно живет за счет интеллектуальной ренты и как идеологическая концепция метафизически обескровлен. «Многие мужчины, влюбившись в ямочку на щеке, по ошибке женятся

на всей девушке», – сострил канадский писатель Стивен Ликок. В отношении западнизма у многих обществ на земле получилось то же самое. И сегодня, после короткого периода романтической влюбленности, им приходится вступать в самый сложный период супружеской жизни. С большой вероятностью уже живущее поколение будет свидетелем того, как «золотой миллиард» попадет в яму, приготовленную для других народов.

В дистиллированном пространстве художественной футурологии проступает пунктирный абрис будущего. Что ж, если мы будем внимательны, утопические и антиутопические фантазии вновь встанут на стражу жизни. И многие из кажущихся сегодня незбылемыми ценностей потеряют, наконец, свою эмоциональную привлекательность.

Список литературы:

1. Бойко М. Е. Диктатура Ничто. М.: Литературная Россия, 2007.
2. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
3. Глэд Дж. Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века. М.: Захаров, 2005.
4. Зиновьев А. А. Запад: Феномен западнизма. М.: Эксмо, Алгоритм, 2007.
5. Коукер К. Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
6. Лем С. Сумма технологии. М.: Мир, 1968.
7. Локк Дж. Сочинения в 3-х тт. М.: Мысль, 1985–1988.
8. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: Миф, 1993.
9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005.
10. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004.
11. Чаликова В. Утопия рождается из утопии. London: Overseas Publications Interchange, 1992.
12. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX в. Иваново: Иван. гос. хим.-технол. ун-т., 2009.

References (transliteration):

1. Bojko M. E. Diktatura Nichto. M.: Literaturnaja Rossija, 2007.
2. Vallerstajin I. Posle liberalizma. M.: Editorial URSS, 2003.
3. Gljed Dzh. Budushhaja jevoljucija cheloveka. Evgenika XXI veka. M.: Zaharov, 2005.
4. Zinov'ev A. A. Zapad: Fenomen zapadnizma. M.: Jeksmo, Algoritm, 2007.
5. Kouker K. Sumerki Zapada. M.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2000.
6. Lem S. Summa tehnologii. M.: Mir, 1968.
7. Lokk Dzh. Sochinenija v 3-h tt. M.: Mysl', 1985–1988.
8. Raushning G. Govorit Gitler. Zver' iz bezdny. M.: Mif, 1993.
9. Fukujama F. Konec istorii i poslednij chelovek. M.: AST, 2005.
10. Fukujama F. Nashe postchelovechesкое budushhee: posledstvija biotehnologicheskoy revoljucii. M.: AST, 2004.
11. Chalikova V. Utopija rozhdaetsja iz utopii. London: Overseas Publications Interchange, 1992.
12. Shishkina S. G. Istoki i transformacii zhanra literaturnoj antiutopii v XX v. Ivanovo: Ivan. gos. him.-tehnol. un-t., 2009.

²¹ *Barth J.* The Sot-weed Factor. New-York: Doubleday, 1969. P. 134.